

УДК 338

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

А.Н. Макаров

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы формирования земельной собственности в России в плоскости институциональных изменений. В рамках общей постановки вопроса о земельной собственности выделен ряд теоретических вопросов, такие, как особенности земельной собственности, институциональное сопровождение формирования земельной собственности в России, институциональные ловушки, сравнительный анализ эвристического потенциала институциональной теории, неоклассической теории и марксизма.

За последние два десятилетия произошли значительные изменения в направлении развития экономической теории, призванные дополнить, если не заменить, привычную неоклассическую доктрину. [1, с. 14] Новые реальности конца XX в. и особенно поистине революционные изменения, произошедшие в странах Восточной Европы и в России, стали мощным катализатором современной теоретической и методологической дискуссии. О кризисе в экономической науке в конце XX в. вполне убедительно высказываются как российские, так и зарубежные ученые-экономисты [2, с. 201; 3, с. 155–181], подвергая критике основополагающие постулаты методологического индивидуализма, рационалистические концепции человеческой деятельности, абстрактные модели конкурентно-рыночного равновесия. Следует при этом отметить, что все больше ученых, обосновывая очевидность того факта, что господствующее неоклассическое направление (мейнстрим) не имеет достаточно явной связи с проблемами переходной (транзитивной) экономики с национальной спецификой, склонны использовать категории Маркса, признавая, что и через более чем сто лет после выхода «Капитала» этим категориям серьезных альтернатив нет. [3, с. 20] Это объясняется тем, что «прошлое не только преобразуется, но оно в преобразованном виде сохраняется в настоящем», [4, с. 29] «лишь изучение общества посредством способа восхождения от абстрактного к конкретному и в единстве логического и исторического рассмотрения позволяет достаточно последовательно и глубоко выявлять внутренние связи различных сторон, различных сфер жизни общества...» [4, с. 30]. Диалектика в своем рациональном виде «в позитивное понимание существующего... включает в то же время понимание его отрицания, ...каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно, также и с ее преходящей стороны...» [6, с. 22] По-

сколькx «диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики» [7, с. 31], постолькx диалектика «Капитала» сохраняет свое значение при изучении всякого процесса развития [8, с. 23].

В этой связи развернулась научная дискуссия о теоретическом потенциале институционализма в изучении переходных экономик вообще и российской экономики в частности. Все больше исследователей согласны с тем, что институциональный образ мышления и практическая трансформация институтов являются решающими факторами успешного решения многих проблем реформирования социально-экономической системы России. В этой связи несомненный интерес представляет и рассмотрение такой актуальной темы, как формирование земельной собственности, в плоскости институциональных изменений. Однако в России пока не сложились научные школы, которые можно было бы определенно отнести к традиционному институционализму или неoinституционализму. Поэтому важно выявление эвристического потенциала институциональной экономической теории в определении институциональных особенностей российской экономики и обосновании возможных путей решения актуальных проблем. В этой связи необходимо проведение глубокого и всестороннего анализа методологического и теоретического аппарата традиционного институционализма и неoinституционализма, относительных преимуществ их методологии и теоретического инструментария, разработка четко определенной структуры институциональной экономической теории.

Следует отметить, что десятилетний период хозяйственных трансформаций на основе заимствования (импорта) институтов, эффективных в других странах, привел к созданию в России устойчивых неэффективных, превращенных институциональных норм и форм, обозначаемых исследователями как институциональные ловушки [9, с. 6]. Например, попытки создания института частной собственности в стране с укорененными традициями коллективизма [10, с. 265] по образцам, в основе которых лежат индивидуалистические предпочтения, привели к формированию уникального института «неэффективной» частной собственности. Поскольку успешное развитие аграрного сектора есть результирующая взаимодействия совокупности ресурсных факторов (земли, труда, капитала, управления и информации), обеспечивающего синергетический эффект, постолькx отсутствие отдельного фактора (например, капитала) не может быть компенсировано другим. В силу этого институциональные изменения, связанные, в основном, с трансформацией форм собственности (в первую очередь, ускоренная реорганизация колхозов и совхозов, наделение селян земельными долями) в сельском хозяйстве, не привели к росту эффективности его функционирования.

В этой связи особенно актуально сегодня создание необходимых условий для устойчивого экономического роста в сельском хозяйстве. Одним из таких важнейших условий является *оптимальное институциональное сопровождение* формирования земельной собственности¹. Под оптимизацией институцио-

---

¹ Фактическая история рыночных преобразований в области земельных отношений России конца XX – начала XXI вв. подтвердила справедливость слов О.И. Уильямсона, что попытка решения микроэкономических проблем путем «формирования правильных цен» является слишком упрощенным подходом и что гораздо более значительной научно-прикладной задачей является «формирование правильных экономических институтов» [13, с. 17].

нального сопровождения экономических реформ следует понимать многообразие формальных (экономических, правовых, политических, социальных) и неформальных (обычаи, традиции, привычки, менталитет) институтов, соответствующих целям и задачам политики формирования отношений земельной собственности, функционирующих эффективно, с минимальными издержками. В этой связи требуются новые подходы к проектированию новых и оценке эффективности деятельности существующих экономических институтов. Для этого необходимо: а) теоретическая разработка проблемы оптимизации институционального сопровождения формирования земельной собственности; б) научное обоснование принципов проектирования новых экономических институтов земельной собственности; в) разработка критериев оценки эффективности и жизнеспособности существующих экономических институтов земельной собственности в рамках национальной модели хозяйствования.

Разработка национальной модели хозяйствования в России обуславливает необходимость изучения механизмов ее эффективного функционирования с учетом существующего набора институтов «конституционного» уровня (по терминологии Норта, «институциональная среда»), определяющих допустимые границы действия новых институтов, и институциональных возможностей и организационных форм [1, с. 587] При проведении же институциональных преобразований, обеспечивающих формирование системы земельной собственности, нельзя не учитывать, что сложная совокупность природно-биологических факторов в аграрном секторе обуславливает особые воспроизводственные циклы, которые характеризуются высокой степенью инерционности. Это, с одной стороны, является основой устойчивости сельскохозяйственных предприятий, но, с другой стороны, отражается в затяжном характере застойных и кризисных явлений в аграрном секторе.

Особое внимание институциональной теории к имущественным отношениям существенным образом отличает ее от других современных экономических школ. В этом она близка к марксистской традиции, с которой можно связывать возникновение самого направления экономического анализа собственности. На всем протяжении истории человечество беспокоил вопрос о собственности. Регулирование отношений между людьми, касающихся присвоения и пользования, требует само существование материальных объектов и вещей. Неотъемлемой частью мира, где господствует фактор редкости, становятся санкционированные поведенческие отношения (например, аллокация прав собственности среди индивидов). Вопрос, вокруг которого разворачивалось обсуждение собственности на протяжении всей истории западной философии и политической мысли – относится ли собственность к «природе» людей или является плодом их соглашения, – этот вопрос, очевидно, не может быть решен ни так, как предлагал Руссо, то есть на основе «воображения» и сознательного пренебрежения фактами с заменой их на «гипотетические» и «условные» допущения, ни посредством «догадок» в духе того образа мысли, который отстаивал Уильям Годвин. Ответ должен основываться на убедительных аргументах. Рассмотрение этого вопроса сопряжено с трудностями ввиду огромного разнообразия форм, которые способна

принимать собственность¹. Просто невозможно установить, когда в мировой истории впервые возникла частная собственность на землю². Главное препятствие, с которым сталкивается в этой области исследователь, – отсутствие письменных свидетельств, ибо в большинстве стран собственность принимала форму владения по праву, основанному не на документальном его подтверждении, а на длительности срока пребывания имущества в руках держателя, что обычаем признавалось как доказательство его права собственника [10, с. 91–92].

Можно выделить две главные философские доктрины собственности – индивидуалистическую и общественную теории собственности. Сторонники доктрины естественного права, заложившие фундамент для классической экономической теории, были приверженцами индивидуалистической точки зрения и выводили свои заключения из рациональной теории общества, когда каждый человек рассматривался как эгоистическое создание, а нестабильность прав собственности на блага наряду с их ограниченностью является главным препятствием на пути увеличения общественного богатства. Следуя этой доктрине, Д. Юм говорит о трех основных естественных законах, от строгого соблюдения которых зависят мир и безопасность человеческого общества: 1) стабильность владения; 2) передача собственности посредством согласия; 3) исполнение обещаний [1, с. 90]. Однако сторонники общественных теорий собственности доказывают, что предустановленная гармония общества представляет собой не более чем иллюзию. Они отмечают, что индивидуализм является источником перманентного конфликта интересов и поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы в дополнение к индивидуалистической функции собственность выполняла свою общественную функцию, – и надежно гарантировать это выполнение [1, с. 90–91]. Само существование материальных объектов и вещей в общем требует регулирования отношений между людьми, касающихся присвоения этих вещей и пользования ими. То, что санкционированные поведенческие отношения (например, спецификация прав собственности среди индивидов) являются неотъемлемой частью мира, где господствует фактор редкости, ни у кого не вызывает вопроса. Вопрос же о том, должна ли собственность (в том числе и на землю) быть частной (индивидуальной) или общественной (коллективной), был и остается дискуссионным, и сегодня борьба между сторонниками доктрин частной и общественной собственности продолжается в различных формах. Дополнение, которое внес К. Маркс в классическую схему собственности, рассмотренной в римском праве (через взаимосвязь отличающихся по объему правомочий – владения, пользования, распоряжения), было связано с введением еще одного элемента – отношений присвоения по поводу средств и результатов производства. Этим в собственность вносился экономический мотив как базовый (отношения собственности в сфере производства), а

---

¹ «Историю развития отношений собственности можно представить как историю расщепления социально-экономических ролей. По мере развития и усложнения связей между экономическими агентами, социально-экономическая роль владельца условий труда расщепляется на роли собственника-монополиста и производителя. Роль производителя – роли хозяина и работника... И так далее» (Введение в институциональную экономику: Учебное пособие / Под ред. Д.С. Львова. – М.: Изд-во «экономика», 2005. – С. 274–275).

² Хотя попытки таких исследований предпринимались в конце XIX в., например, Эмилем де Лавайе, но, опиравшиеся на впечатления путешественников и изыскания первых антропологов, сегодня они воспринимаются лишь как занимательные исторические рассказы.

также выделялся социально-классовый аспект, поскольку самым содержательным в присвоении выступало использовать средства и результаты производства его носителем и в его экономических интересах. Однако если марксистская школа за правовыми формами старалась выявить экономическое содержание, то институционализм по сути дела за всеми экономическими процессами усматривает определенный правовой подтекст с соответствующей интерпретацией. И происходит это в самом исходном экономическом звене – в отношении обмена товаров. Обмен, а не производство выступает основной областью экономического анализа институционалистов.

Согласно институциональной теории, обмен товаров – это купля-продажа прав собственности, закрепленных за ними. На этой основе рыночные отношения трактуются как контрактные отношения, то есть добровольные отношения по передаче имущественных прав. В качестве возможного способа структуризации права собственности можно рассматривать 11 видов («пучков») правомочий, выделенных в стремлении обнаружить правовую основу за всеми экономическими процессами: 1) право владения; 2) право пользования; 3) право управления; 4) право на доход; 5) право на капитальную стоимость; 6) право на безопасность; 7) право на передачу вещи по наследству; 8) бессрочность; 9) запрет вредного использования; 10) ответственность в виде взыскания; 11) конечные права [11, с. 11–13; 12, с. 48–49]. Такое полное определение «пучка» правомочий говорит об огромном объеме возможных комбинаций. Считается, что число содержательных вариантов имущественных прав достигает 1.5 тыс. [11, с. 12].

Полная и безоговорочная собственность на землю включает в себя право продавать землю. Полная собственность на материальные объекты может быть раздроблена или расщеплена за счет передачи одного или нескольких компонентов собственности¹.

Но что мешает оперативному перераспределению законодательно специфицированных правомочий земельной собственности, когда их пучок изменяет конфигурацию с появлением новых эффективных собственников? Ответ на вопрос институциональная теория предлагает определять в рамках трансакционных издержек².

Центральный тезис институциональной экономической теории состоит в том, что институты имеют значение для результатов функционирования экономики³. «Типичного» представителя институциональной теории отличает то,

---

¹ Часть правомочий может выступать только в кластере (или пучке), т. е. они являются взаимодополняемыми и не имеют ценности одно без другого. Например, право на доход бессмысленно, если не существует правомочия «безопасность», поскольку низкая вероятность получения дохода ввиду отсутствия безопасности означает фиктивность данного правомочия). Следует проводить различие между исключительными правами собственности и их передаваемостью. В частности, фермер может обладать исключительным правом на физический контроль по отношению к участку земли, однако продать или заложить его он не может.

² Первым, кто выделил центральную роль концепции трансакционных издержек для экономического анализа институтов, был Рональд Г. Коуз. Развитие этой общей линии анализа логически вело к более глубокому пониманию того влияния, которое распределение прав собственности оказывает на систему стимулов и экономические результаты (см. Коуз Р.Г. Природа фирмы / Пер. с англ. - М.: Дело, 2001. – С. 39).

³ Понятие «институт» определяется как набор формальных и неформальных правил и норм, выступающих как ограничения для экономических агентов, как закономерность общественного поведения, признанная всеми членами общества, а также как соответствующие механизмы защиты, самоконтроля и контроля некоей внешней властью за их соблюдением (см.: Норт Д. Институты и экономический рост. Т. 1. Историческое введение. – М.: Thesis, 1993. – С. 65, 69).

что он в огромной степени полагается на применение таких концепций, как права собственности, трансакционные издержки (*ex ante* и *ex post*) и отношенческие контракты в сочетании с попыткой приблизиться к реальности посредством применения менее формальных методов анализа. При этом «мир с нулевыми трансакционными издержками так же странен, как физический мир без сил трения» [1, с. 14]. Главный вывод, который из этого следует, заключается в том, что вследствие принятой трактовки институтов неоклассическая теория не способна уловить различия между некоторыми экономическими ситуациями, которые в действительности могут значительно отличаться друг от друга. Например, если встать на общепринятую неоклассическую точку зрения, невозможно установить различия между денежной экономикой и бартерной экономикой или экономикой, основанной на частной собственности, и социалистической экономикой; две экономические системы, которые рассматривались как главные соперники XX столетия, – капитализм и социализм, можно моделировать на основе теории общего равновесия. При этом в каждом случае при анализе принимается во внимание лишь роль системы цен как механизма координации экономической деятельности. И все же мы знаем, что функционирование этих систем при одинаковых параметрах приведет к совершенно разным результатам.

В реальном мире, где положительные трансакционные издержки носят всеохватывающий характер, доминирующую роль играют неопределенность (несовершенное предвидение) и асимметричная информация. И как показывает практический опыт, собственность на ресурсы оказывает влияние на экономические результаты. Причина этого заключается в том, что в новых условиях структура собственности влияет на экономические стимулы и, соответственно, на поведение индивидов. Например, в таких условиях мониторинг арендатора земли на правах срочной аренды после заключения арендной сделки становится дорогостоящим мероприятием. И арендатор, зная неполноту накладываемых на него ограничений, будет ощущать, что он обладает большей свободой в плане преследования своих личных интересов, даже если его действия могут нанести ущерб арендодателю. Известно, что стимулирующее воздействие прав частной собственности позволяет экономить на трансакционных издержках и, таким образом, увеличивать экономическое благосостояние общества. Тем не менее и эта ситуация не может быть оценена как абсолютно предпочтительная. Вследствие наличия положительных трансакционных издержек нельзя ни полностью специфицировать права собственности, ни в полной мере обеспечить их защиту (например, полностью устранить воровство), ни установить цены на них. Распределительные аспекты частной собственности также могут создавать социальные затруднения, однако и общественная (или коллективная) собственность отнюдь не гарантирует успешного их разрешения.

Вследствие трансакционных издержек и неизбежного недостатка знания того, что принесет будущее, в социальном планировании полная или совершенная рациональность невозможна. В этой связи институциональные устройства будут по необходимости неполны, и поэтому их с самого начала нужно планировать как неполные. Следовательно, институциональные устройства должны быть достаточно гибкими и открытыми, с тем чтобы они были способ-

ны очень быстро и с низкими издержками адаптироваться к новым обстоятельствам.

Анализ сегодняшней российской экономики показывает, что реорганизация институциональной структуры, создание жизнеспособного рынка являются чрезвычайно дорогостоящим и долговременным мероприятием. Особое значение имеют действия, необходимые для установления, поддержания или изменения социальных действий. В этом смысле экономические трансакции можно трактовать как специфический вид социальных трансакций, т. е. социальных действий, необходимых для формирования и поддержания институциональных рамок, в которых осуществляется экономическая деятельность. Совершение трансакций сопряжено с затратами. Люди должны нести трансакционные издержки, которые будут иметь место вне зависимости от того, в каком секторе экономики функционируют субъекты принятия решений и какой вид деятельности они осуществляют, и носят универсальный характер вследствие ограниченности человеческих способностей, неполноты знаний индивидов, принимающих решения. В общем смысле «трансакционные издержки – это издержки эксплуатации экономической системы»¹ [1, с. 55] В крайних ситуациях высокие трансакционные издержки могут вообще воспрепятствовать любому обмену. Это представляет собой пример «фиаско рынка». В любом случае сглаживание фиаско рынка возможно. Для этого необходимо коллективное действие, но не обязательно государства. Потребуется обратиться к другим организационным устройствам, нежели рынок наличных товаров, например, частным фирмам или государственным организациям. Таким образом, организационная сторона проблемы имеет огромное значение. Высокий уровень технологических знаний может не дать экономического эффекта из-за плохой институциональной политики (политики хозяйственного порядка). Следовательно, при разработке мер стимулирования экономического развития страны нужно обращать внимание на совершенствование как процесса производства, так и методов организации. Законодательство, даже если оно непосредственно «ничего» не стоит, но ведет к увеличению трансакционных издержек, может нейтрализовать повышение производительности, основанной на техническом прогрессе, и в действительности уменьшить совокупную производительность экономики.

Как выглядит классификация трансакционных издержек в отношении земельной собственности? В соответствии с этапами заключения сделки О. Уильямсон говорит о трансакционных издержках *ex ante* и *ex post* (возникающих до и после заключения сделки): [13, с. 55–59].

Издержки *ex ante*:

- издержки поиска информации;
- издержки ведения переговоров;
- издержки измерения;

---

¹ Заметим, что на практике нелегко провести различие между трансакционными издержками и производственными, транспортными и фактически любыми другими видами издержек, хотя считается, что «на основе таких показателей, как разрыв между ценами производителей и розничными ценами (скорректированный на величину транспортных издержек), разрыв между ставкой процента, уплачиваемого по банковским кредитам, и суммой, выплачиваемой по банковским депозитам, накладные расходы фирмы, расходы государства на выполнение его основных задач и т. д., по крайней мере, приблизительно оценить порядок величины трансакционных издержек» [1, с. 55].

- издержки заключения контракта;

Издержки *ex post*:

- издержки мониторинга и предупреждения оппортунизма;
- издержки спецификации и защиты прав собственности;
- издержки защиты от третьих лиц.

Такая классификация трансакционных издержек позволяет получить количественную оценку как на микро-, так и на макроэкономическом уровне. Например, при заключении сделки по аренде земельного участка, предполагающей передачу собственником права пользования земельным участком арендатору, можно выделить следующие трансакционные издержки:

- издержки на поиск информации о сдающихся участках земли, о ценах на рынке: покупка специализированных изданий и телефонные звонки, получение информации по почте (в т. ч. и по электронной) по объявлениям или обращение в риэлтерскую фирму;
- издержки ведения переговоров с собственниками отобранных участков об особых условиях аренды;
- издержки оценки качества земли в ходе посещения отобранных участков; затраты на оценку участка;
- издержки юридического оформления контракта об аренде, его нотариального заверения;
- издержки предотвращения оппортунизма собственника, выражающегося в стремлении изменить условия аренды, например, увеличить арендную плату;
- издержки защиты переданного на срок действия контракта права пользования участком в случае, если собственник предъявляет арендатору претензии по содержанию участка и/или намерен досрочно расторгнуть договор; затраты, связанные с обращением в суд. Таким образом, количественную оценку возникающих при аренде участка трансакционных издержек можно получить либо с помощью анализа доходов посреднических фирм, либо с помощью суммирования прямых денежных затрат и затрат времени, с учетом средней почасовой заработной платы¹ [14, с. 353–354].

Институциональный анализ отношений собственности помогает выявить и определить достаточно сложную систему субъектов и объектов этих отношений, осуществить их персонификацию через экономико-правовые институты. Для современной практики формирования земельной собственности в России это важно.

В то же время более чем десятилетний опыт реформ показал, что эволюционная гипотеза конкуренции между институтами, согласно которой «слабые» институты устраняются в конкурентной борьбе и выживают «сильные» институты, обеспечивающие наибольшую эффективность при координации экономических агентов, далека от реальности в странах с переходной (транзитивной) экономикой. Оказалось, что мер либерализации и макроэкономической стаби-

---

¹ Реальный опыт России за период рыночных преобразований и форсированной приватизации в 90-е гг. XX столетия показывает стремительный рост трансакционных издержек (см. [14, с. 354]).

лизации недостаточно для построения эффективной рыночной экономики. Силы рынка не могут работать в неадекватной ему институциональной среде.

Сочетание эффективных и неэффективных норм в институциональной среде определяет направление, траекторию и темп развития экономики. Отсюда одной из актуальных проблем переходной (транзитивной) экономики России на текущий момент является проблема существования неэффективных институциональных норм и возникает необходимость определения факторов, влияющих на возникновение неэффективных норм, придающих устойчивость этим нормам, а также определения основных мер по устранению неэффективных норм.

По мнению Д. Норта, существующие в обществе группы специальных интересов, для которых создаются или изменяются институты, будут стремиться направить процесс изменения институтов по определенной траектории развития, преследуя собственные интересы, которые не всегда могут совпадать с общественными. Результирующее направление институциональных изменений, согласно Д. Норту, формируется под воздействием ряда факторов. Во-первых, под действием эффекта блокировки, который возникает вследствие симбиоза (сращивания) институтов и организаций на основе структуры побудительных мотивов, создаваемой этими институтами. Во-вторых, под обратным влиянием изменений в наборе возможностей на восприятие и реакцию со стороны индивидов. В-третьих, направление долгосрочных экономических изменений зависит от наличия групп давления [15, с. 20–23]. Д. Норт делает вывод о значимости истории. Таким образом вчерашние институциональные рамки остаются значимыми и ограничивают варианты институциональных изменений в будущем¹. Институтам присуща экономия издержек на масштабах – когда какое-либо правило уже установлено, его можно с минимальными затратами распространять на все большее число людей и сфер деятельности. Но само создание институтов требует крупных первоначальных вложений, являющихся необратимыми. Уже существующий институт свободен от таких издержек, так что его сохранение является иногда более предпочтительным, если учесть возможные затраты по его замене на новый институт. Институциональные изменения встречают сильнейшее сопротивление даже в том случае, если они способствуют экономическому росту. Д. Норт пишет, что экономические агенты постоянно стоят перед выбором: что выгоднее – ограничиться взаимодействием в рамках уже существующих «правил игры» или направить часть ресурсов на изменение этих правил. Вероятно, если агенты рассчитывают, что ожидаемые выгоды настолько велики, что способны окупить все издержки перехода к новой институциональной системе, они станут предпринимать попытки по изменению существующей системы. Как отмечает А.Н. Нестеренко, эволюция институтов может осуществляться в трех формах:

- зависимость от траектории предшествующего развития, когда общество и экономика воспроизводят институты прошлого, постепенно внося в них изменения;

---

¹ А.Н. Олейник говорит об «эффекте исторической обусловленности развития» (см.: Олейник А.Н. Институциональная экономика. – М.: ИНФРА-М, 2002. – С. 191).

- независимость от прошлого, которая проявляется в радикальной ломке предшествующей системы;
- изменения, которые полностью определяются прошлым. [16, с. 85]

При этом зависимость от предшествующего развития индифферентна к эффективности норм. Следовательно, в экономической системе устойчивость могут приобрести как эффективные, так и неэффективные нормы¹, и зависимость от траектории предшествующего развития не гарантирует самовоспроизведения в будущем эффективных норм [15, с. 124]. Устойчивую неэффективную норму или устойчивый неэффективный институт В.М. Полтерович характеризует как институциональную ловушку. [9, с. 6]. Уточняя понятие, Е.В. Пудов пишет, что «институциональная ловушка» характеризуется как устойчивая система взаимосвязанных неэффективных институтов, которая возникла в процессе трансформации экономики и привела к стабильному неэффективному равновесию на рынке институтов транзитивной экономики².

Разные исследователи по-разному определяют механизм устранения институциональной ловушки:

- в экономической системе могут «спонтанно» сформироваться механизмы, способствующие выходу из ловушки [9, с. 23];
- институциональная ловушка устранится с течением времени в результате эволюционных изменений. Поэтому не следует затрачивать ресурсы на ее устранение; [17, с. 26–27];
- зарубежные экономисты предлагают правительствам стран, желающим реформировать свои экономики, список из 10 политических рекомендаций, которые в 1989 г. Дж. Уильямс назвал «вашингтонским консенсусом» [18];
- национализация квази-ренды, государственный контроль ценообразования, введение государственной монополии на осуществление некоторых видов хозяйственной деятельности.

В рамках данной статьи мы не приводим аргументов «за» или «против» выделенных версий. Система взаимосвязанных мер по устранению институциональных ловушек, определяемая на основе анализа факторов, действующих на различных этапах функционирования институциональной ловушки в сфере формирования земельной собственности, могла бы включать: координацию процессов влияния групп специальных интересов на рынке институтов земельной собственности; ликвидацию административных барьеров; упорядочивание системы налогообложения и снижение его общей нагрузки на налогоплатель-

¹ Как отмечает В.М. Полтерович, устойчивость неэффективная норма приобретает благодаря действию четырех эффектов: эффекта координации, эффекта сопряжения, эффекта обучения и культурной инерции (см. [9, с. 11]).

² При этом под рынком институтов понимается рынок, на котором в качестве товаров выступают формальные институты и механизмы их закрепления, покупателями выступают экономические агенты, а продавцами – различные органы государственной власти и управления, наделенные правом формального закрепления институтов. С позиции институционального подхода транзитивная экономика характеризуется: институциональным вакуумом- неспособностью механизмов принуждения к следованию норме; мутацией институтов; взаимосвязью некоторых уже существующих или вновь создаваемых формальных и неформальных норм с уже существующими неэффективными нормами; институциональным компромиссом – одновременным существованием в экономике противоположных норм, действие которых распространяется на различные группы экономических агентов (см. [9, с. 51, 170]).

щиков; институциональные изменения по формированию системы принуждения к следованию эффективным нормам.

Естественно, что изучение такой темы, как формирование земельной собственности в России, предполагает рассмотрение многих других, не менее важных, вопросов в рамках данной проблемы. Выделим ряд аспектов в тезисной форме.

1. Специфика сельского хозяйства, в том числе и земельной ренты, не может «исчезнуть» ни при каких изменениях в системе социально-экономических отношений в аграрном секторе. Значит, «нормальные» земельные отношения могут быть построены только с учетом рентных отношений.

2. Утверждение о наибольшем соответствии теории прав собственности современному уровню развития экономики не означает устарелости классического подхода к частной собственности. Более того, теория прав собственности имеет существенные недостатки, которые могут быть преодолены в рамках марксистского подхода. Теория прав собственности тщательно детализирует правомочия собственности, описывает экономическую необходимость их распределения и комбинации для эффективного использования ресурсов. Но она не ставит вопроса о качественной и количественной концентрации прав собственности, достигающей, по выражению К.А. Хубиева, экономической власти [19, с. 471] которая обеспечивает возможность ее обладателю распоряжаться объектами собственности и доходом от процесса их функционально-экономического бытия. Заслуга классической экономической теории (и марксизма в первую очередь) состоит в выделении этих узловых пунктов качественно особой концентрации прав собственности.

Сопоставление двух подходов убеждает в том, что они не опровергают, а дополняют друг друга, а сама экономическая теория благодаря синтезу двух направлений в решении проблем собственности может расширить свою теоретическую и методологическую базу.

3. Известное марксистское положение о том, что экономические отношения «проявляются, прежде всего, как интересы» [20, с. 271] полностью сохраняет свое значение и в исследовании институционального сопровождения формирования земельной собственности, внутренней движущей силой функционирования которой выступают экономические интересы. Поэтому важным аспектом темы является проблема институционализации интересов, анализ ее форм и противоречий. Проводимые институциональные преобразования недостаточно учитывают сложившиеся в обществе экономические интересы. Функциональная слабость формальных институтов создает благоприятные условия для активизации неформальной институционализации. В этой связи многие формальные правила не соблюдаются, экономические интересы переводятся в теневую экономику.

4. Формирование системы земельной собственности предполагает учет и такого фактора, как устойчивость и выживаемость трудового крестьянского хозяйства¹. Очень актуальна для современной переходной экономики идея

---

¹ Это теоретическое обобщение, имевшее ярко выраженный оригинальный характер, явилось творческим вкладом отечественных ученых в развитие мировой экономической науки и теории семейно-трудового крестьянского хозяйства.

А.В. Чайнова о выборе формы землепользования в зависимости от местных условий. Традиции и национальные особенности предполагают более высокий удельный вес общественных форм собственности в нашей стране по сравнению со странами Запада. Особенностью возрождения кооперации в начале XXI в. является то, что она происходит в условиях деколлективизации, по принципу объединения владельцев земельных долей и паев. Поэтому допустимы кооперативы с совместно-неделимой собственностью как промежуточная организационно-правовая структура сельскохозяйственного производства. Оптимальная аграрная структура с доминированием сельскохозяйственной кооперации возможна, если ее основу составит семейное крестьянское хозяйство.

В качестве основных идей, стимулирующих развитие этого направления научной мысли, можно выделить то, что распределение прав собственности обуславливает экономические результаты деятельности общества и что трансакционные издержки в определенной степени ответственны за характер распределения и защиты прав собственности, непременно влияют на структуру институтов и специфические экономические предпочтения людей. При этом формирование и использование самих институтов требует затрат реальных ресурсов, а следовательно, невозможно избежать учета трансакционных издержек.

В заключение отметим, что приведенные нами определения, нередко представляющие различные направления экономической теории, оказались взаимосвязанными. Это прежде всего потому, что воссоздаваемый предмет является «органическим» целым, в котором каждая сторона существует как специфическая сторона данного предмета только в связи с его другими сторонами. «Движение мышления от бытия к сущности и от сущности к явлению и действительности есть углубление познания, фиксированное в логических категориях. Законы диалектики с этой точки зрения рассматриваются как моменты, общие для мышления и предмета, который оно отражает» [8, с. 346–348].

Summary

A.N. Makarov. Institutional support to land property formation.

The problems of the land property formation in Russia from the point of view relating to institutional changes are considered in the article. Within the frames of the general formation of the property concerning land problem a number of theoretical questions were pointed out, i. e. peculiarities of land property, institutional support of the land property formation in Russia, institutional traps, comparative analysis of heuristic potential of institutional theory, neo-classic theory and Marxism.

Литература

1. *Фуруботи Э.Г., Рихтер Р.* Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории / Пер. с англ.; под ред. В.С. Коталько, Н.П. Дроздовой. – СПб.: Изд. дом С.-Пб. ун-та, 2005.
2. *Мысляева И.Н.* Теоретические основы новой парадигмы экономической науки // Экономическая теория на пороге XX века / Под ред. Ю.М. Осипова и др. – М., 1998. – С. 201.
3. *Ходжсон Д.* Экономическая теория и институты. – М.: Дело, 2003. – С. 155–181.

4. Хикс Дж. Теория экономической истории / Пер. с англ.; под общ. ред. Р.М. Нуреева. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2003. – С. 20.
5. Вазюлин В.А. Логика истории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. – С. 22.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. – С. 31.
8. Вазюлин В.А. Логика «Капитала» Карла Маркса. – М.: Современный гуманитарный ун-т, 2002.
9. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы. – М.: ЦЭМИ РАН, 1999.
10. Пайнс Р. Собственность и свобода. – М.: Моск. шк. полит. исслед., 2001.
11. Капелюшников Р.И. Экономическая теория прав собственности. – М.: ИМЭМО, 1990. – С. 11–13.
12. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория / Под общ. ред. А.А. Аузана. – М.: ИНФРА-М, 2005. – С. 48–49.
13. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки и отношенческие контракты. – СПб.: Лениздат, 1996. – С. 55–59.
14. Коловангин П.М. Собственность на землю в России. История и современность. – СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2003. – С. 353–354.
15. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд эконом. книги «Начала», 1997.
16. Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория / Отв. ред. Л.И. Абалкин. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 85.
17. Клейнер Г.Б., Макаров В.Л. Развитие бартерных отношений в России. Институциональный этап. – М., 1999. – С. 26–27.
18. Наим М. Вашингтонский консенсус или вашингтонское замешательство? // Российский журнал. – 2001. – 26 марта.
19. Хубиев К.А. Преобразования собственности в России: теоретические подходы и оценки практических результатов // Собственность в XX столетии. – М.: РОСПЭН, 2001. – С. 471.
20. Энгельс Ф. К жилищному вопросу // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 18. – С. 271.

Поступила в редакцию
05.11.05

Макаров Анатолий Николаевич – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики филиала Казанского государственного университета в г. Набережные Челны.